

МИСТЕР ПОНЕДЕЛЬНИК
МРАЧНЫЙ ВТОРНИК
УТОНУВШАЯ СРЕДА
СЭР ЧЕТВЕРГ
ЛЕДИ ПЯТНИЦА
ПРЕВОСХОДНАЯ СУББОТА
ЛОРД ВОСКРЕСЕНЬЕ

КЛЮЧИ ОТ КОРОЛЕВСТВА

• ГАРТ НИКС •



• КНИГА ПЕРВАЯ •
МИСТЕР ПОНЕДЕЛЬНИК



Санкт-Петербург

*Анне и Томасу,
а также всем моим родным
и друзьям*

ПРОЛОГ

Они пытались совсем уничтожить Волеизъявление, но это оказалось им не по силам. Тогда они рассеяли Волеизъявление, разрушив его тело и дух. Оно было разъято на части физически, то есть попросту разорвано, и клочья толстого пергамента оказались разбросаны во времени и пространстве. Развеян оказался и дух Волеизъявления, ибо ни один из его пунктов так и не был исполнен.

Замысел коварных Доверенных Лиц в том и состоял, чтобы такое положение дел сохранилось на века вечные. И, дабы это обеспечить, семь обрывков Волеизъявления были спрятаны со всем мыслимым тщанием.

Первый и самый маленький кусочек пергамента вплавили в толщу прозрачного кристалла, твердостью превосходившего алмаз. Затем кристалл поместили в ящик из неразбиваемого стекла. Ящик же —

в клетку из серебра и малахита. Эта клетка была установлена на поверхности одного из выгоревших солнц, при самом скончании времен.

Кругом клетки выставили недреманную стражу — дюжину часовых, сработанных из металла. Каждый из них встал на соответствующей отметке циферблата, изваянного из плоти мертвой звезды резцом вечного света.

Этих часовых создали ради одного-единственного дела — охраны пергаментного клочка. Внешне они отчасти напоминали людей, только вдвое большего роста, а кожа их состояла из светящейся стали. Были они подвижны и гибки, словно коты, а руки их кончались не кистью с пальцами, как у людей, но мечами, растущими из запястий. Каждый часовой отвечал за промежуток между своим часом и следующим, а предводитель распоряжался ими, стоя на цифре двенадцать.

Часовые находились в ведении тщательно подобранного отряда инспекторов. Эти последние были низшие существа, которые никогда не посмели бы подвергнуть сомнению действия надругавшихся над Волеизъявлением. Раз в сто лет один из инспекторов посещал мертвое солнце, дабы убедиться, что клочок благополучно пребывает взаперти.

Однако эпохи сменяли одна другую, и с течением времени инспекторы несколько обленились. Появля-

ясь, они большей частью лишь мельком прищуривались на клетку, приветствовали часовых — и вновь исчезали. Часовым, которые вот уже десять тысяч лет неустанно вышагивали между делениями циферблата, весьма не нравилось столь наплевательское отношение к делу. Но жаловаться было не в их природе, да, собственно, и возможности такой у них не имелось. В случае чего они могли поднять тревогу. Но не более того.

Часовые успели повидать множество разных инспекторов, ненадолго появлявшихся на сторевшей звезде. Больше никто их не навещал. Никто не пытался похитить или вызволить доверенный им фрагмент Волеизъявления. Так что смело можно сказать: за все эти десять тысяч лет ровным счетом ничегошеньки не произошло.

А потом настал день, ничем не отличавшийся от трех с половиной миллионов минувших дней, и явился инспектор, отнесшийся к своим обязанностям гораздо серьезнее предшественников. Прибыл он точно так же, как и все они: просто возник за пределами циферблата. Шляпа сидела на нем набекрень, чуть не сбитая перемещением, однако он крепко сжимал в кулаке свой мандат, держа его таким образом, чтобы сразу видна была золотая печать. И не зря. Часовые дернулись все разом, оборачиваясь к новоприбывшему, руки-мечи затрепетали: ну наконец-то!..

Ибо бумага с печатью подтверждала полномочия инспектора лишь наполовину. Всегда имелся шанс, что он не сумеет произнести пароль, оставленный предшественником, — и тогда-то заждавшиеся клинки часовых взовьются настолько стремительно, что глаз не успеет за ними проследить...

Нет, конечно же, часовые обязаны были предоставить инспектору минутку на то, чтобы собраться с мыслями. Все знают, что перемещение во времени и пространстве — дело нешуточное. У кого угодно голова может кругом пойти, и у смертных, и у бессмертных!

Впрочем, данный конкретный инспектор имел вид весьма непрезентабельный. Он явился в довольно заурядном человеческом облике недавно располневшего мужчины средних лет. Физическое тело было облачено в синий сюртук, залоснившийся на локтях и запачканный чернилами у правого обшлага. Белая рубашка инспектора выглядела не особенно свежей, а скверно повязанный зеленый галстук не прятал сбившегося воротничка. Цилиндр у него на голове также видывал лучшие времена. Он был помят и отчетливо клонился налево. Когда инспектор приподнял его, здороваясь с часовыми, наружу выпал сэндвич, завернутый в газетку. Инспектор подхватил падающий бутерброд и сунул во внутренний карман сюртука.

— Ладан, сера, сострадание — я инспектор на задание! — без запинки выговорил он заветные слова.

И вновь вскинул мандат, показывая печать.

Двенадцатичасовой крутанулся на месте, показывая, что пароль и мандат приняты и подтверждены. Потом приветственно скрестил руки-мечи. Раздался звук, какой бывает, когда точат ножи. Инспектор поневоле вздрогнул и вежливо помахал ему.

— Приблизься, инспектор! — без всякого выражения проговорил Двенадцатичасовой и тем исчерпал ровно половину своего запаса слов.

Инспектор кивнул и осторожно ступил с диска перемещения на отвердевшую тьму, составлявшую вещество мертвого солнца. Между прочим, он озабочился надеть Бестелесные Ботинки (замаскированные под туфли без задников) во избежание искривляющего воздействия здешней материи, — хоть и убеждало его начальство, что-де мандат с печатью защитит его более чем надежно. Еще он не преминул подобрать диск перемещения, ибо тот был его личным любимцем. Диск представлял собой большую сервировочную тарелку из тончайшего костяного фарфора, разрисованную фруктами, — в противоположность обычным овалам из полированного янтаря. Между прочим, пользоваться фарфоровым предметом значило подвергать себя определенному риску, ведь фарфор весь-

ма хрупок; однако тарелка была очень красива, и для инспектора это кое-что значило.

Теперь надо сказать, что даже инспекторам запрещалось заходить во внутреннюю часть циферблата, отграниченную золотой линией за кругом цифр. Новоприбывший осторожно миновал Двенадцатичасового и остановился у запретной черты. Серебряная клетка выглядела по-прежнему несокрушимой. Стекланный ящик пребывал в целости, сохранности и незамутненной прозрачности. Внутри отчетливо виднелся кристалл...

Как тому и надлежало быть.

— Ну что ж, похоже, все в порядке, — пробормотал инспектор.

С явным облегчением он вытащил из кармана сюртука маленькую коробочку, открыл ее и привычным движением сунул в правую ноздрю толику нюхательного табака. Это был новый сорт табака, подарок вышестоящего деятеля.

— Да, да, все в полном... — повторил он.

А потом произвел совершенно немислимый чих, качнувшись на месте и едва не заступив за черту. Часовые разом подпрыгнули и крутанулись к нему. Лезвия Двенадцатичасового с шипением пронесли в каком-то дюйме от инспекторского лица. Тот отчаянно размахивал руками, силясь удержать равновесие,

и наконец это ему удалось. Линия осталась ненарушенной.

— Премного извиняюсь... жуткая, отвратительная привычка! — пропищал инспектор, поспешно пряча коробочку в самый дальний карман. — Эй, не забывайте, что я инспектор! Вот мой документ! Вот печать!

Часовые вновь принялись размеренно вышагивать. Руки Двенадцатичасового опустились к бокам, более не угрожая.

Инспектор извлек из рукава большой штопанный носовой платок и утер взмокшее лицо. И вот тогда-то, промокая пот, он увидел — или ему померещилось, — как нечто скользнуло по поверхности циферблата. Нечто маленькое, тоненькое, темное. Он моргнул, отнял платок от лица... Нет, больше ничего не было видно.

— Полагаю, докладывать не о чем? — нервно осведомился инспектор.

В этой должности он состоял недавно: всего четверста лет без десятилетия. И ранг у него был невысокий — инспектор четвертого порядка. Почти всю свою карьеру — то бишь чуть не с самого Первоначала Времен — он провел в качестве привратника Третьей Задней Приемной. А прежде того...

— Докладывать не о чем, — отвечивал Двенадцатичасовой.

И тем была исчерпана вторая половина его словарного запаса.

Что ж, инспектор вежливо приподнял шляпу... однако смутная забота омрачала его совесть. Все-таки он ощущал... что-то. Какую-то неправильность. Увы, наказание за ложную тревогу было столь чудовищно, что идти на поводу у неоформленных ощущений определенно не стоило. Его, к примеру, могли вновь разжаловать в привратники. Или, даже хуже того, сделать материальным. Лишить памяти и возможностей — и сунуть в одно из Второстепенных Царств в качестве живого, дышащего ребенка...

Конечно, тому, кто прохлопает нечто существенное, наказание полагалось куда более суровое. Материальность — но в теле, даже отдаленно не напоминающем человеческое. Или существование в мире, напрочь лишенном разумной жизни. Но даже и это не было самым скверным, что могло с ним случиться. Ему могли предначертать судьбу до того жуткую, что разум категорически отказывался представить.

Инспектор еще раз оглядел клетку, стеклянный ящик и кристалл. Потом вооружился театральным биноклем и приставил его к глазам. Нет, никаких признаков неурядицы. И потом, случись что, неужели часовые не углядели бы?

Он отступил прочь, покидая циферблат, и прокашлялся.

— Все в порядке. Хорошая работа, часовые! — сказал он. — Вот вам пароль для следующего инспектора: «Пальма, тис, благоуханье — я инспектор на заданье!» Поняли? Отлично. Ну что ж, я отбываю!

Двенадцатичасовой молча отсалютовал. Инспектор вновь притронулся к шляпе, повернулся на пятках и опустил наземь свою тарелку перемещения, бормоча слова, которые должны были перенести его в Дом. Согласно правилам ему надлежало проследовать через Бюро Необычных Деяний на пятьдесят пятом этаже и обо всем доложить. Однако он продолжал чувствовать смутное беспокойство, а посему решил напрямик отправиться на двадцать пятый этаж — в свой собственный уютный кабинет, к чашечке горячего чая. Там можно будет обо всем поразмыслить...

— Со звезды, где света нет, — снова в лампы яркий свет, со звезды, где вечно ночь, поскорей умчимся прочь!

Но прежде чем он успел поставить ноги на диск, нечто маленькое, тощее и невероятно черное пронеслось поперек золотой черты, прямехонько между ногами Двенадцатичасового, через левый Бестелесный Ботинок инспектора — и вперед него вспрыгнуло на

фарфоровую тарелку. Синие и зеленые нарисованные фрукты ярко вспыхнули... и тарелка исчезла, унося с собой маленькое черное существо. Остался лишь небольшой завиток дыма, гнусно пахнущего паленой резиной.

— Тревога! Тревога! — закричали часовые и, оставив циферблат, сгрудились вокруг места, где только что лежала тарелка.

Руки-лезвия металась во всех направлениях, а внутри металлических тел захлебывались нескончаемым звоном двенадцать невероятно громких будильников. Инспектор испуганно съежился и, всхлипывая, закусил уголок носового платка. Он наконец-то сообразил, что это было за черное существо. Он все-таки успел узнать его, когда оно стремительно проносилось у него под ногами, и это узнавание было поистине ужасно.

Существо представляло собой строчку рукописного текста. Строчку текста с того самого пергаментного клочка, который до сих пор вроде бы покоился вплавленным в неразрушимый кристалл, в ящике из неразбиваемого стекла, заключенном в клетку из малахита и серебра... недвижимо покоился на поверхности погасшей звезды, под охраной двенадцати металлических часовых...

Теперь ничто из вышеперечисленного уже не соответствовало истине.

Один из фрагментов Волеизъявления умудрился сбежать.

Сбежать по его вине.

И что еще хуже, фрагмент при этом коснулся его, чиркнув по телу инспектора сквозь Бестелесный Ботинок. Так что теперь инспектор знал, о чем там говорилось, — а ему никоим образом не положено было этого знать. А самое потрясающее было то, что Волеизъявление призвало его к истинному служению. И он понял — понял в самый первый раз за бесчисленные тысячелетия, — как глубоко неправильно все происходило.

— «В ведении доброго моего Понедельника оставляю я дела Нижнего Дома, — шептали губы инспектора. — И пусть он блюдет их, доколе Наследник либо представители такового не призовут Понедельника должным образом сдать все должности, владения, принадлежности и права, которые я сим ему доверяю...»

Часовые слышали его, но не понимали. А может, даже и не слышали — так громко звучали встроенные сигналы тревоги. Обшарив место происшествия, они рассредоточились, тщетно обыскивая поверхность

своей звезды. Из глаз каждого били лучи яркого света, рассекавшие тьму. Звезда, к слову, была совсем невелика — не более тысячи ярдов в диаметре, — то есть можно и обыскать. Беда только, удравший фрагмент был уже далеко. Инспектор знал: он наверняка успел покинуть его комнаты и теперь разгуливал по Дому.

— Мне необходимо вернуться, — сказал он себе самому. — Волеизъявление нуждается в помощи. Правда, диска у меня больше нет, так отправимся же окольной дорогой...

Он в очередной раз сунул руку за пазуху — и вытащил крылья. Грязные, облезлые крылья высотой почти в его собственный рост. Он давненько ими не пользовался и даже удивился, увидев, в каком они состоянии. Перья пожелтели и растрепались, длинные маховые выглядели ненадежными... Делать нечего, инспектор пристегнул крылья на положенное место у себя за плечами и опасливо сделал несколько шагов, проверяя, способны ли крылья к работе.

Он был увлечен приготовлениями к полету и оттого не заметил, как внутри циферблата полыхнула яркая вспышка, оставившая после себя сразу двоих. Эти новые персонажи также пользовались человеческим обликом (как то диктовала мода, царившая в Доме), но были выше, стройнее и красивее инспектора.

Опрятные черные сюртуки, туго накрахмаленные рубашки, высокие воротнички, аккуратнейшие темно-красные галстуки на полтона светлее шелковых жилеток. Черные цилиндры так и блестели. И каждый из двоих держал в руке резную трость черного дерева с серебряным набалдашником.

— Куда собрались, инспектор? — поинтересовался тот из двоих, что был выше ростом.

Инспектор ошарашенно обернулся, крылья сразу обвисли.

— Хотел доложить, сэр... — пробормотал он. — Сами видите, сэр... Докладить непосредственному начальству... а также Рассвету Понедельника... или даже самому Мистеру Понедельнику... если он того пожелает...

— Мистер Понедельник и так все очень скоро узнает, — ответил рослый джентльмен. — Вы поняли, кто мы такие?

Инспектор отрицательно замотал головой. Он, конечно, догадался, что они были из числа высших чиновников Фирмы, — стоило только посмотреть на их одежду и ощутить веявшую от них силу. Однако ни имен, ни должностей он не взялся бы назвать.

— Вы, наверное, со сто шестидесятого этажа? — промямлил он нерешительно. — Из исполнительной службы Мистера Понедельника?

Рослый джентльмен улыбнулся и вытащил из жилетного кармашка сложенную бумагу. Будучи поднята в руке, та развернулась сама собой, и печать сверкнула так ярко, что инспектору пришлось прикрыть лицо и даже пригнуться.

— Как видите, мы служим более высокому Повелителю, чем Понедельник, — сказал джентльмен. — И вы сейчас отправитесь с нами.

Несчастный инспектор сглотнул и сделал шаг вперед. Один из двоих проворно натянул белоснежные перчатки и сдернул с плеч инспектора крылья. Те сразу начали уменьшаться, пока не стали размером с голубины, и джентльмен убрал их в плотный конверт, возникший прямо из воздуха, а потом запечатал конверт прикосновением большого пальца. Из-под пальца послышалось шипение. Запечатанный конверт он вручил инспектору. Тот нервно прижал его к груди, искоса поглядывая на своих спутников, а на конверте проступило слово УЛИКА.

Джентльмены между тем согласно взмахнули тросточками, вычерчивая в воздухе дверь. Когда все было готово, воздух задрожал, сгустился... и перед ними появились самые настоящие лифтовые двери, снабженные скользящей решеткой и бронзовой кнопкой вызова. Один из двоих нажал кнопку — и за решеткой, откуда ни возьмись, материализовалась кабина.

— Я не полномочен ездить на лифте исполнительной службы... равно как и подниматься вверх выше Записей... — беспомощно блеял инспектор. — И конечно, я ни в коем случае не... не полномочен... спускаться ниже Чернильных Подвалов...

Джентльмены отодвинули решетку и жестом предложили инспектору зайти в лифт. Там, внутри, все было обито зеленым бархатом, а одну из стен сплошь покрывало множество маленьких кнопок.

— Но мы же не будем спускаться? — еле слышно выдавил инспектор. — Не будем?..

Высокий улыбнулся. Улыбка вышла холодной, потому что в ней не участвовали глаза. Он поднял руку, и рука жутковато защелкала, удлинняясь на добрых два ярда, чтобы дотянуться до кнопочки в самом верхнем правом углу.

— Туда?.. — ахнул инспектор, преисполнившийся благоговения даже невзирая на страх. Он уже чувствовал, как слабеет внутри его мимолетное влияние Волеизъявления, и понимал, что теперь все равно ничего поделать нельзя. Удравшим словам придется действовать в одиночку. — Туда?.. На самый верх?..

— Да, — в унисон ответили два джентльмена.

И с лязгом захлопнули лифтовую решетку.

ГЛАВА I

Первый день Артура Пенхалигона в новой школе не заладился с самого начала. Мало того что ему пришлось приступить к учебе на две недели позже всех остальных, так еще и в новом, незнакомом месте, к которому он вынужден был привыкать на ходу. Его семья только-только переехала в город, так что Артур пока не успел ни с кем познакомиться. И вообще не знал ничего, что делает привычную жизнь такой простой и удобной.

Ну вот, например, он понятия не имел, что ученики седьмого класса каждый понедельник перед большой переменной обязательно бегут кросс. А как раз сегодня был понедельник. Кросс являлся строго обязательным, если только родители ученика не договаривались о его освобождении от пробежки. Естественно, делать это надо было заранее.

Артур попытался объяснить учителю физкультуры, что он только-только оправился после нескольких

очень серьезных приступов астмы. И вообще всего несколько недель, как выписался из больницы. А кроме того, у него не было с собой спортивного костюма. Он так и вышел одетым в обычную школьную форму и стоял дурак дураком: серые штаны, белая рубашка с галстуком, кожаные ботинки. Ну не в подобном же одеянии отправляться на кросс?

Между тем вокруг носилась и вопила орава примерно из сорока подростков, и, должно быть, поэтому учитель — звали его мистер Вейтман¹ — расслышал лишь вторую половину объяснений Артура.

— Послушай, парень, — рявкнул он. — Правила писаны для всех. В чем явился, в том и беги. Если только ты не болен!

— Так я действительно болен, — повторил Артур.

Но тут кто-то громко завизжал: рядом с ними подрались две девочки. Они вцепились друг дружке в волосы и принялись лягаться. Мистер Вейтман сунул в рот свисток и пронзительно свистнул.

— Что за поведение, Сьюзан! — оглушительно гаркнул он. — Быстренько отпусти Таню!.. Вот так. Ладно, маршрут вы знаете. Обегаете спортплощадку справа, потом через парк, вокруг статуи, потом

¹ «Вейтман» в переводе с английского означает «тяжеловес» — фамилия учителя физкультуры весьма соответствует его профессии, а возможно, и телосложению. (Примеч. ред.)

обратно через парк и мимо арены, только с другой стороны. Все ясно? Первые трое на финише сразу отправляются обедать, остальные сперва вымоют пол в зале. Ну-ка, выстроились... я сказал, выстроиться, а не ворон в небе считать! Встань в строй, Рик! Все готовы? А теперь по моему свистку...

«Один я не готов», — подумал Артур. И решил больше не жаловаться учителю и, несмотря ни на что, бежать вместе со всеми. Он и так по определению был здесь чужаком, белой вороной, и ему не хотелось окончательно превращаться в изгоя. К тому же Артур был оптимистом. Уж до финиша он как-нибудь доберется!

Он посмотрел на овал спортивной площадки, потом на густые заросли, примыкавшие к ней. Это у них называется парком?.. По мнению Артура, больше похоже на джунгли. Там никто не увидит, там он, если понадобится, сможет передохнуть. А до леса он доберется точно. Никаких проблем.

Подумав так, Артур нащупал в кармане ингалятор и уверенности ради погладил пальцами прохладный металл и пластик. Как же ему не хотелось им пользоваться! Не хотелось вообще зависеть от лекарств и медицинских устройств... Вот он и угодил тогда в больницу именно из-за того, что отказывался сунуть в рот ингалятор, пока не сделалось слишком

поздно. И с тех пор дал родителям твердое обещание, что больше не будет так поступать.

Учитель дунул в свисток, и ученики сорвались с места. Каждый отправился в путь по-своему. Самые крепкие и хулиганистые мальчишки помчались как выстреленные, пихаясь, вопя и отчаянно набирая скорость. Но, как они ни мчались, очень скоро их обогнали юные спортсменки, ведь в этом возрасте они повыше мальчишек, да и ноги у них подлиннее. Девчонки с легкостью уплыли вперед, морща носики и отворачиваясь от «жалких обезьян», с которыми они были вынуждены учиться в одном классе.

За лидерами худо-бедно поспевали другие ребята, мальчишки и девочки строго отдельно. Самыми последними двигались пофигисты, лентяи и те, кто считал себя слишком продвинутым, чтобы сдавать дурацкие кроссы. Эти категории Артур не взялся бы строго разграничить.

Сам он все-таки побежал, поскольку не нашел в себе мужества пойти пешком. И он уже догадывался, что в продвинутые его вряд ли зачислят. А кроме того, следом за всеми уже рысил мистер Вейтман. И на бегу сурово порицал каждого, кто пытался перейти на шаг.

— Не думай, что отказ от участия в кроссе сойдет тебе с рук! — орал он на кого-то. — Давай, давай, шевелись, не то весь класс подведешь!